Рисунок Марины Медведевой

Маленькая охотничья избушка приклеилась к подножию склона могучей сопки, заросшей кедровой тайгой. И на фоне огромных деревьев была похожа на большую шишку, упавшую поздней осенью в снег. Конец ноября — горячая пора для охотника-промысловика. Капканы на соболя уже расставлены, мясо и для себя, и для приманки добыто. На лабазе — маленькой избушке на курьих ножках для защиты от мышей и других нахлебников — стройными рядами уложены ленки: речные лососи, пара тайменей, припасен мешок хариусов. Другие продукты на долгие три месяца промысла завезены еще на лодке-ульмаге — длиной удэгейский пироге, сейчас уложенной вверх смолистым брюхом на высоком берегу реки — ждать весны.

Сейчас самое время проверять расставленные на приманку капканы по проложенным еще его отцом путикам — охотничьим маршрутам, позволяющим охотнику без задержек, как по дорогам, перемещаться по непролазной тайге. Каждый год путики надо было чистить от завалов, старых поваленных стихией деревьев. Встав на свой путик, охотник в любое время дня и ночи мог добраться до одного из своих таежных убежищ: спасительницы избушки. Заботливо припасенная сухая стружка-разжига или кусочек пня-смоляка всегда были под рукой и позволяли замерзшему уставшему охотнику быстро разжечь печурку и согреться. Сразу на печку ставился большой чайник, без которого никак нельзя восполнить потери энергии и огромного количества жидкости при трудной работе охотника-промысловика. Чаепитие, готовка еды, зарядка патронов и починка снаряжения затягивались до поздней ночи, и огонек свечки или керосиновой лампы долго не гас на просторах сибирской и дальневосточной тайги, где, забытые всеми, выполняли свою трудную и опасную работу промысловые рабочие. Так было и сейчас, на берегу могучего Бикина — дальневосточной Амазонки, давшей приют народу удэге и нанай, великим охотникам и рыболовам.

Василий пришел уже в густых сумерках. Дальний путик протянулся в самую вершину ключа. С утра пробежав по капканам, теперь он снял добычу: четырех седых белок и пару молодых собольков. На обратном пути решил пробежать по сопке в свободном поиске, надеясь подсечь свежий след соболя и взять его гоном — догнав по следу, как собака. К сожалению, собак у Василия не было, вернее, были, но нынче на корневке тигр убил его очередную собаку, ночью утащив молодого кобелька лайкоида — помеси лайки и дворняги. Он уже и потерял их счет, погибших от зубов тигра. Но зла на тигров не таил. Хорошие собаки в этой тигриной тайге долго не жили. Снег был по щиколотку, в самый раз для гона соболя. Поднявшись по распадку в его вершине, Василий нашел свежий след ценного зверька. След крупный — взрослый. Определив направление движения, быстрым шагом, практически переходящим в бег, охотник начал преследование. Подрезая след, вглядываясь в хитросплетения следов зверька, он двигался в сторону избушки. След соболя вывел в пойму ключа и пересек его путик. На тропе, по которой он прошел четыре часа назад, четко отпечатался след тигра. Тигры здесь не редкость, и охотник каждый год несколько раз встречал их следы на своем участке. На глаза тигры не попадались, но Василий, честно говоря, не очень стремился к встрече с грозным хищником. Все в его роду уважали тигров и почитали их за своих богов. «Разве можно убить своего Бога?» — часто говорил его отец-охотник. След тигра был необычный. Он явно хромал на одну лапу: от этом говорила борозда на снегу между следами. «Нехорошо, даже плохо», — подумал Василий. Раненый или больной тигр — большая беда. Он всегда помнил слова стариков-охотников: увидишь тигра — увидишь свою смерть. Простая формула говорила о суровом жизненном правиле. Нормальный здоровый хищник никогда не попадется человеку на глаза. А вот раненый и больной показывается, и это несет смерть. Его отец и дед, старики-охотники, всю жизнь жившие в тайге, в глаза видели хозяина, как они почтительно называли тигра, единицы раз.

Соболя удалось загнать в поваленное дерево лишь на исходе дня. Эх, не хватило часа, чтобы выгнать зверька из дуплистого тиса! Было слышно, как тот потихоньку сердито урчал, когда охотник ножом начинал царапать древесину. Обставив дерево капканами на возможных местах выхода соболя и заткнув крупные выходы обломками веток, охотник собрал всю свою поклажу и практически в темноте двинулся к избушке. Ночь была светлая, лунная, и он, без труда найдя путик, по которому утром уходил на охоту, отправился в путь. Он никогда не боялся тайги. Ни днем, ни ночью. Мог заночевать у костра, если обстоятельства не позволяли вернуться в избушку, хоть летом, хоть зимой. Тайга была его домом, и он в нем знал практически все. Боялся он только людей, особенно в тайге — они были порой опаснее хищников. Строя планы на завтрашний день, он подходил к избушке.

За полкилометра он почувствовал запах жилья: дыма, перемешанного с чем-то таким, чему сложно дать определение. Восприятие запаха после морозного дня было особенно острым. Проходя мимо упавшей этой осенью огромной липы, он почувствовал странный запах, невольно заставивший его содрогнуться. Это был запах опасности, обострившийся все чувства охотника. На тропе под неярким светом луны он снова увидел след тигра. Присев на корточки, он провел рукой по следу. Снег на кромках отпечатавшейся пятки тигра был мягким, несмерзшимся, несмотря на двадцатиградусный мороз. Свежий! Это плохо. До спасительной избушки осталось каких-то триста метров. Перекинув на плече ремень «белки» — промыслового двуствольного ружья, — он двинулся дальше. Глубоко внутри затаившийся

страх выползал наружу и нашептывал охотнику свой сценарий. Вот сейчас прямиком за поленницей дров лежит тигр и ждет тебя, чтобы сожрать. Василий прямо расхохотался от своих дурацких мыслей и уже с легким сердцем двинулся дальше. Не доходя до избы около ста метров, след тигра повернул к сопке. «Вот и ладно, обошел стороной, уйдет за ночь», — раздумывал про себя охотник. Подойдя к двери, он снял ружье и повесил его на дежурный гвоздик снаружи зимовья, чтобы лишний раз не чистить отпотевающий после мороза в тепле металл.

Избушка встретила его теплом и запахом лепешек, которые он еще вчера испек. Чайник поставлен на печку. Добыча подвешена на веревочке и оттаивает для обдирки — снятия ценной и дорогой шкурки. Щелчок приемника — и какая-то заморская мелодия уносит тебя далеко из этого заснеженного, забытого богом места. Все тяготы дня отступают, и теплая нега избушки окутывает охотника. Голова клонится к подушке. Но прочь! Спать нельзя. Иначе потом придется всю работу делать среди ночи. Достав кусок кабаньего мяса, заботливо занесенного с мороза в избушку еще утром, он начинает таинство приготовления пищи. Всем умениям он обязан отцу, с которым проохотился всю жизнь. Только в этом году отец не смог пойти на промысел. Хорошие охотники, как хорошие работоспособные собаки, быстро изнашиваются. В свои шестьдесят пять отец Василия имел полный джентльменский набор хронических заболеваний, каждое из которых могло легко вывести старого охотника из строя. А обузой сыну на охоте он быть не хотел. И как Василий ни упрашивал отца, тот отказался. Впрочем, Василий часто оставался в лесу один, и одиночество его не особо тяготило.

Обжаренная с луком мелко порезанная свинина была отправлена в уже кипевшую кастрюльку с морковкой, двумя картофелинами и горстью вермишели и заправлена особой удэгейской острой приправой — дюйцефазой. Нехитрая снедь, прокипевшая еще десять минут на гудящей печке, была готова. Тарелка супа, чай, половинка лепешки. Вот и весь ужин. «Сытно, дешево и сердито», — сказал Василий, моя и протирая алюминиевую чашку после еды. Эх, собаки нет, посетовал охотник, выбрасывая в ведро косточки кабана, оставшиеся после ужина.

Ночь. Надо спать. Завтра проверить капканы в дуплистом тисе, пробежать по береговому путнику и проверить ловушки на норку и выдру. В долине Бикина на островах поискать изюбрей. Если повезет, добыть и сложить на лабаз, чтобы к новому году вывезти мясо в деревню на сдачу в госпромхоз. План по мясу никто не отменял. Все! Спать! Задутый светильник забросил в избушку запах авиационного керосина, который использовали многие охотники в своих приборах освещения. Дрова в печке тихонько и умиротворенно шипели, отдавая тепло человеческому жилью. Луна, как бубен их деревенского шамана, висела в зените, освещая зимнюю морозную тайгу, тени от деревьев были четкими и короткими.

Тревога! Когда долго находишься в тайге один, порой чувствуешь то, что абсолютно неподвластно другим. Шестое чувство, а может, седьмое или восьмое? Вот и сейчас... Тревога. Василий открыл глаза в тот момент, когда тень уже прошла мимо низкого оконца, но тень — была... Сердце невольно отстучало легкую тахикардию. Да нет, показалось. А слух невольно уже начал различать все изъяны лунной ночи. Вот как будто что-то хрустнуло снаружи, осторожные шаги подошли к поленнице дров и уронили ветку. Как будто тяжелый вздох. Да нет! Это же все забавы воздуха, огня и смолистых дров в печке. Спать. Спать! Завтра трудный день.

Охотник — как кабан зимой. Не должен вставать рано. Холодно ведь, много энергии тратится на согревание ранним утром. Вот он и спит в теплом гайне до обеда, а потом идет искать еду. Так говорил и учил его отец. Василий считал, что батюшка просто любил поспать, но с детства привитая привычка долго спать осталась и у него. Было уже десять часов, когда он вышел из избушки за дровами. Свежая сантиметровая порошка лежала на крыльце. Подойдя к поленнице, он не поверил глазам. На пороше — след тигра. Он невольно оглянулся и увидел повсюду ночные следы вокруг избушки. Вот здесь, у приземистого окошка, зверь долго стоял, видимо, пытаясь рассмотреть происходящее внутри, след протаял почти до земли. Значит, это не сон, и все звуки и ощущения — правда! Тигр здесь?! Василий невольно попятился к двери, оглядывая дальние подступы к избушке. На ровном снежном покрывале была видна борозда следов, уходившая к поваленному ильму, лежащему в тридцати метрах практически на берегу Бикина. Интуиция подсказала — он там. Взгляд охотника впился в детали. Вон сброшен снег с ветки. Маленькая синичка гаичка, подлетев к дереву, шарахнулась в сторону. Вон что-то темнеет среди

нагромождения веток. Рука невольно потянулась к ружью, висящему на гвоздике перед входом.

Заскочив в избушку, охотник первым делом положил ружье под одеяло, чтобы не отпотело. Почему-то захотелось закрыть дверь избушки на засов, но его не было. Закрываться здесь, в дремучей тайге, было не принято, да и не от кого. К двери был привязан шнурок, чтобы, если нужно, сильнее прижимать дверь, когда из нее поддувал холодный зимний ветер. Он завязал шнурок за гвоздь, понимая, что для тигра это не препятствие, но все равно стало как-то легче. Что делать? Что делать? Был бы рядом отец — он все знал... Спустя полчаса ничего не произошло, разве что прилетевшая было сорока с громким стрекотанием унеслась восвояси. Группа ворон, обычно прилетавшая чем-нибудь поживиться на помойке после его ухода, скромно и молча сидела на высокой чозении. Из окошка поваленного дерева, за которым, возможно, притаился тигр, не было видно. Надо потихоньку посмотреть, решил Василий. Взяв ружье, проверил патроны в стволах. Развязал веревочку, выглянул наружу. Солнце было почти в зените. Короткий зимний день в полном разгаре. Самое время для охоты! А там ли он? — закралась мысль. В нагромождении веток, кажется, ничего нет. Может, выстрелить? Взведя курок «белки» и переведя флажок на выстрел из гладкоствольного ружья 28-го калибра, Василий поднял ствол вверх и нажал на спусковой крючок. Баабаах! Ух, громко! Эхо разнеслось по долине Бикина. С дерева напротив ссыпался морозный иней. И, как что-то нереальное, из-за поваленного дерева появилась голова тигра. Черно-бело-рыжее пятно посреди белой скатерти леса смотрелось ярким таежным цветком. Усы, уши, глаза. Василий рассматривал зверя. Так близко видеть могучего повелителя тайги ему никогда не доводилось. Казалась, зверь был спокоен. И взглядом спрашивал: «Чего стрелял-то? Здесь я, здесь!» Так же, как появился, зверь исчез, как мираж. Было ли, не было?

Василий заскочил в избушку и первым делом начал сооружать запор на дверь. Под рукой был топор, гвозди и кусок полена — все, что нужно для нехитрого приспособления. Завершив работу, проверил крепость сооружения: изо всех сил дернул дверь — держит. Но сколько будет длиться осада? Выстрелов хищник явно не боится, чем еще его можно отпугнуть? Огнем? Хорошо, что запас дров для печки был не только в находившейся неподалеку поленнице, но и в прихожей — небольшом навесе под крышей перед входом. Осторожно приоткрыв щелочку двери, он выглянул наружу и вгляделся в силуэт поваленного дерева, за которым лежал тигр. Не видно. Взгляд скользит дальше. Нет, не может быть! Вот он! Посреди поляны, открыто, на фоне сопки, не прячась, стоит тигр. Боком, в полуразвороте, смотрит прямо в глаза. Опытный взгляд охотника цепляет детали. Тяжело дышит. Спина провислая. Живот подтянут под позвоночник. Задние лапы подогнуты, как у овчарки. На гачах смерзшимися комочками снег. Кончик хвоста нервно подергивается, в остальном полное спокойствие. Самое главное бросилось в глаза в последнюю очередь. На задней ноге ближе к животу огромное пятно — как опухоль. Из него сочится белесая красноватая жидкость, намерзая на тусклой шкуре животного. Так он подранок! Василий тихо прикрыл дверь. Сел на нары. Нет, с таким делом без кружки чая не разобраться.

Тигр в его роду всегда был почитаемым животным. Считалось, что это высшее божество, которое повелевает судьбами всех охотников, да и всем остальным. Это божество могло представать перед человеком в различных ипостасях. Он мог быть злым и коварным, как окзо — черт. Такого тигра люди называли Амба. Был и другой тигр — Ван — хозяин всей тайги и гор. Ему и молились удэгейцы и нанайцы. Мало кто на Бикине мог поднять руку на бога Вана. Только вот разве... Да! Скорее всего! Василия сразила догадка. Ниже, километрах в двадцати по течению Бикина, стоял охотник из их деревни. Многие его недолюбливали за беспробудное пьянство, непорядочность в отношениях и жуликоватость. Он как-то раз хвалился перед охотниками в конторе госпромхоза, как он ловко разбирается с тиграми. «А я его бью по животу с мелкашки[1]», — хвалился охотник. — После выстрела он не бросается, так как думает, что его укусила пчела, и уходит — подыхать. А мне-то это и нужно. Зачем мне конкурент? Самому мало. Вон, кабана в пойме днем с огнем не сыщешь». Так размышлял этот горе-охотник. Сейчас, видя раненого в живот тигра, Василий понял, что это дело рук того негодяя.

Вечерело и подмораживало. Термометр за окошком показывал минус двадцать пять. «Каково же сейчас раненому голодному тигру?» — с тревогой думал Василий. Мяса бы дать, но оно на лабазе. Да и не сможет есть, наверное, ежели

[1] Мелкашка — оружие мелкого калибра с небольшой свинцовой пулькой.

кишки прострелены — там не до еды. Перитонит... Василий, как и многие охотники-промысловики, был достаточно просвещенным человеком в том, что касалось физиологии и анатомии животных. Как-никак он их добывал и готовил тонны мяса для государства. Поневоле станешь специалистом. «Если такая серьезная рана, то это конец. Не выживет. Жаль. Красивый зверь. Похоже, молодой самец. Но что тут поделать?» Наступила тревожная ночь. Перекусил остатками лепешки — есть не хотелось. Подбросив дров, Василий забрался на нары, на всякий случай рядышком положил ружье, снова зарядив патрон в ствол. Это был не сон, а какое-то забытье. Все время мерещились звуки, что-то скрипело и вздыхало. Шорох мыши в углу казался грохотом взлетающего вертолета. Он проснулся резко, четко понимая, где он и что его окружает. Лунные тени сместились. Было около трех ночи. На него сквозь низкое оконце избушки смотрел тигр. Видно было, как топорщатся и шевелятся его длинные белые усы. Он как будто что-то ему говорил. В подсознании возникла фраза: «Убей меня, убей меня». Хруст снега и отчетливые шаги хромающего зверя. Господи, как страшно! Но ведь это было! Это есть! Здесь и сейчас!

Проснулся рано и с тревогой. Где тигр? Погода портилась, за окном дул сильный восточный ветер. По небу неслись низкие, наполненные снежными бомбами тучи. Сильно потеплело. Ого! Минус пять! Точно, будет серьезный снег. Надев шапку и поставив справа от себя ружье, Василий отодвинул засов. Быстрый взгляд на то место, где вчера стоял зверь. Вот он! Там же, только лежит. Голова животного покоилась на мощных передних лапах, задние были неловко подвернуты. «Болит живот-то», — подумал охотник. Да жив ли? Тигр приподнял глаза, но не голову. Совсем тяжело зверюге. К ветеринару бы тебя. А я чем помогу? Вспомнился ночной кошмар и фраза «убей меня». Невольно дрожь пробрала до самых пяток — и это явно не от холода. Упали первые снежинки, которые сразу сдуло порывистым метельным ветром. К обеду снег и ветер разошлись. Тайга гудела и кряхтела, даже из избушки были слышны глухие стоны падающих кедров-исполинов.

А тигр лежал. Боль немного притупилась. Живот был стиснут огненным обручем, искажая сознание и восприятие действительности. Маленькая черная пулька влетела в передний край задней лапы и пробила ее насквозь, войдя в кишечник. Он

и не понял, как это произошло. Как будто укус пчелы, но это была смерть... Долгая, мучительная, подлая. Сильный ветер начал засыпать тигра. Шевелиться он уже не мог, но почему-то здесь, на берегу реки, возле избушки этого двуногого, он чувствовал себя спокойно.

Метель бушевала до ночи. Уже ближе к утру в разрывах облаков показались холодные трепетные звезды. Василий подбросил дров в печку. Похолодало. Как он там? Морозяка уже под тридцать, да и снега навалило под полметра. Эх, не успел проверить капканы перед непогодой. Обычно в преддверии природных катаклизмов соболь, чувствуя непогоду, активно кормился и попадал в капканы охотников.

Он понимал, что зверь пришел сюда просить помощи. Но что он мог сделать? Дрова под навесом заканчивались. Осталось на три протопки. Потом придется идти к поленнице, а это мимо лежащего тигра. Занимался холодный рассвет. Тайга, укутанная свежим белым покрывалом, дымила на сопках вихрями уходящей метели. Открыв дверь избушки, Василий увидел бугорок снега в том месте, где лежал тигр. Все! Помер! Одевшись, он взял ружье проверил в нем патроны, осторожно приоткрыл дверь и вышел наружу. До тигра было метров пятнадцать. Взяв полено, Василий бросил его в сторону бугорка. Реакции никакой. Осмелев, он еще сдвинулся в сторону заметенного тигра. Взяв длинную упавшую с дерева ветку, он толкнул ею снежный бугор. На бугорке появилась маленькая трещина. Тигр поднял голову! Быстрая вскидка ружья, щелчок взведенного курка — и вот голова зверя с шапочкой снега между ушами на мушке. Дышать стало тяжело. Тигр смотрит, но кажется, что смотрит сквозь него и видит уже другой мир. Из краешков глаз сочатся слезы. Голова качается и клонится обратно на снег. «Убей меня» — снова приходит это ночное видение. Он пришел сюда, чтобы я помог ему умереть! Мушка ружья задрожала. Тигр уронил тяжелую голову на лапы.

Выстрел прозвучал сухо, без эха, как треск сломавшейся ветки. Он даже не вздрогнул, он был уже мертв. Полет пули и приход его естественной смерти стали одновременными событиями. Страна вечной охоты поглотила огромного зверя и весь его существовавший до этого мир.

Сил не стало, как будто с последним вздохом тигра дух покинул и охотника. Он стоял на коленях, обняв ствол ружья, порывистый ветер трепал его длинные, начавшие седеть черные волосы. Он плакал. Слезы текли без усилий, легко освобождая душу от тяжести поступка, капали на редкие усы, бороду, прожженную в нескольких местах старенькую удэгейскую куртку с родовым орнаментом, вышитым его бабкой-шаманкой, где в белое поле бязи изящно были вплетены бисерные человеческие фигурки и крадущийся тигр.